

Маргарита Пальшина

ПОКОЛЕНИЕ бесконечности

ФИНАЛИСТ
ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ШОУ-ИСКУССТВЕ

Маргарита Пальшина
Поколение бесконечности

«Издательские решения»

Пальшина М.

Поколение бесконечности / М. Пальшина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505089-2

Когда спустя 20 лет возвращаешься в родной город, чтобы преодолеть трагедии прошлого и вновь обрести себя, вернуть любовь и понять, что время свершается в тебе самой, потому что суть всего — возвращение. Роман о поколении 80-х, для тех, кто вырос на грани столетий, самостоятельно выбирая судьбу и дорогу, для тех, кто пока в пути. Впервые опубликован в журнале «Нева». Финалист X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь».

ISBN 978-5-00-505089-2

© Пальшина М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Из дневника Жанки, на грани столетий	7
Джанет, в нашем веке	12
Из дневника Жанки, на грани столетий	14
Евгений Романов, в нашем веке	17
Из дневника Жанки, на грани столетий	19
Джанет, в нашем веке	26
Из дневника Жанки, на грани столетий	30
Евгений Романов, в нашем веке	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Поколение бесконечности

Маргарита Пальшина

Иллюстратор Алёна Казинская

© Маргарита Пальшина, 2019

© Алёна Казинская, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-5089-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Between extremities man runs his course.
(William Butler Yeats)*

Глава 1. Неопределенность пределов

Третий путь? Он существует...

Трамвайные пути упирались в солнце. Над Москвой плыл июль. Зеленый и многоголосый.

«Учеба! Работа!!!» – надрывался продавец утренних газет близ остановки.

Газетные заголовки причиняют боль. Даже когда кричат не о смерти, а о том, как надо жить. Неужели кто-то еще читает газеты?

Они проходили мимо. Рыцари свободного копья. Призраки больших и малых городов. Люди мира. Они учатся всему сами. Не платят налоги, не плодят детей, не живут в кредит. Не значатся ни в каких списках. Где бы ни обитали, везде неместные. Не ждут завтрашнего дня, не помнят вчерашнего. И мечтают лишь об одном: чтобы лето не кончалось.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Она приходит ко мне из будущего. Снятся качели в нашем дворе. Ночь. Никого вокруг. Она садится на другой край, и мы поочередно взлетаем в пронизанный звездным светом воздух. Она – это я взрослая. Но никак не могу разглядеть ее лицо, хотя всегда видела лица везде: в узорах коры деревьев, трещинах стен, решетках ворот и люков, рисунках обоев, даже буквы в книгах иногда выстраивались в виде лиц. А своего будущего лица не могу увидеть! Разговариваю с пустотой. А мне столько нужно у нее спросить! Кем я стану? Исполнятся ли желания? Буду ли счастлива, любима?

Взлет качелей: мой вопрос – ее тишина в ответ, глубокая, как колодец ночного неба. Когда в отчаянии спрыгиваю с качелей, она вдруг поднимает голову и спрашивает, о чем мечтаю я.

Просыпаюсь в слезах, потому что знаю: ни одна детская мечта у нее не сбылась. Просыпаюсь все глубже в осень. И осень тоже плачет за окнами, как на вокзале. Оплакивает мое последнее беззаботное лето. Впереди – выпускной класс. Мне говорят: выбирай, кем ты станешь. А я хочу остаться собой. Не из чего выбирать в нашем унылом райцентре. Вот если бы в свободную Америку слетать или дождаться обнуления, то на другом конце планеты или в новом времени наверняка нашлась бы подходящая для меня судьба. А здесь и сейчас вокруг типовые многоэтажки и серые лица на автобусных остановках.

Странная все-таки цифра нас ждет: двойка и три нуля. Почему ноль по Фаренгейту воспринимается зябче, чем минус семнадцать по Цельсию? Потому что ноль кажется абсолютным, но это по Кельвину, хотя папа и утверждает, что на практике такое состояние недостижимо. А я верю, что он есть – где-то в межзвездном космосе.

Ноль уничтожает любое умноженное на него число, в школе твердят «на ноль делить нельзя». А что будет, если на ноль умножить или разделить бесконечность?

Неопределенность пределов, говорит папа. Он математик, и цифры для него – язык описания мира, способ его исчислить, а значит, понять. Например, он мог бы написать уравнение танцующей на песке у моря девушки или полета птицы над городом. Но не может понять меня. Я для него – неопределенный предел терпения. И для мамы тоже, хотя она и гуманитарий.

Что ж тут поделаешь, если год моего рождения – восьмидесятый. Вертикальная бесконечность, умноженная на ноль. Но предки считают, что восемьдесят – это восьмой десяток столетия, ни к чему его переворачивать в черед веков, а я просто подросток, полный внутренних противоречий.

По-моему, шестнадцать лет почти старость. Их время законсервировано, как в банке: под новый год открывают, съедают ложечку меда (или дегтя?) – и закрывают. Их время – смена цифр в календаре, а для меня прошлый год – как другая жизнь.

Пообещала им: состарюсь – и выброшу всю косметику, в шестнадцать не понадобится «боевая раскраска под индейца». Старшекласснице не у кого отвоевывать территорию на школьных дискотеках. Вот оно, единственное преимущество взросления – способность стать на голову выше тех, кто когда-то внушал страх. Пережить – и выжить их из своей жизни. Но потом вдруг поймешь: то, что принадлежит тебе по праву, перестает интересоваться. И начинаешь искать новые приключения на задницу.

Теперь по ночным клубам шлепемся со взрослыми мужиками и тетками под двадцать тусоваться, у некоторых из них уже дети, а все туда же, типа молодость. И никто никого толком не знает на танцполе.

Воруем у Алискиного брательника из карманов контрамарки. Накопили коллекцию: красные, зеленые, оранжевые, золотые. Гладим утюгом и проходим на халяву. Билеты нам бы не продали, а в толпе удается проскользнуть. И красимся уже под египтян – черными тенями.

Предки дают нам деньги на такси из клуба домой, а мы спускаем их на «отвертки» и «блудливых мэри».

Был у меня на днях душераздирающий разговор со школьным психологом, Олесей Николаевной. Про то, как опасно пробовать все подряд.

«Одну из зол пережили – и устремились к другой! – почти кричала Олеся. – Решили, что поумнели! Подростковая жестокость еще не все, бывают вещи и пострашнее. Начитавшись книг для взрослых, не поймешь до конца прочитанное и не повзрослеешь в одночасье! Нужен опыт. Зрелое восприятие мира вокруг. Разрешение одного конфликта не избавит от последующих бед. Не торопите время. Не кидайтесь во взрослую жизнь, как в омут. Хоть иногда слушайте старших, доверяйте тем, кто свои ошибки уже совершил и пережил. Потому что ошибки юности могут изувечить на всю оставшуюся жизнь. Необратимо сломать. Обернуться трагедией!»

От ее «тра-ге-ди-е-й!!!» до нутра пробирал ледком, как от дурного предчувствия.

И в доме сквозит. Холодно, до дрожи.

Интересно, кто-нибудь видел замерзшую водку? Может, в Якутии? Или космонавты на Луне по ночам лижут заспиртованный лед? Или наоборот: под строчку Есенина «с бандюгами жарю спирт» всегда отчего-то представляются революционные костры, один бутыль на весь замерзший Питер – кладут на жаровню и дружно вдыхают спиртовые пары.

Спиртного в холодильнике, конечно, не оказалось, для него всегда почему-то нужен повод. Жаль, добавила бы капельку в чай, чтобы согреться. Батареи включают на ноябрьские праздники. Самое мерзкое время: тепла в доме еще нет, а на улице уже холодно. И ветер с дождем прямо в окна.

Как-то мама в порыве откровения сказала: «На вас вся надежда! Наше поколение никогда не вырвется из страны советов. Рожденные в семидесятых – потерянное поколение, вынуждены выбирать судьбу на перепутье, в эпоху развала и разгула, а вас, может, и вынесет штормовой волной на берег благополучия, сумеете сберечь себя для счастья».

Ага, Изумрудный город выстроим и забаррикадируемся от старших братьев и сестер. Они и сами бы нас замуровали в стену, как в ужастиках Эдгара По, чтобы не подглядывали.

Наивная она, на самом деле с каждым поколением все безнадежнее, потому что мы все предыдущие разочарования в себе несем. Это как папины фракталы Бенуа Мандельброта: меньшее растет из большего, повторяя его в произвольной форме. Случайно и непредсказуемо.

У деревьев из хаоса рождается гармония. У людей нет. Я люблю рисовать деревья, переплетающиеся ветвями. Или чтобы их тени на земле, соприкасаясь, напоминали влюбленных, держащихся за руки. Однажды нарисовала, как сосна корнями обнимает прибрежные скалы. Олеся Николаевна похвалила и сказала, что корни – это крепкая связь с родителями...

За чаем прочла в рассказе Набокова словосочетание «складные картины» – и сразу в памяти заскребся тот сизый сентябрьский рассвет после первой по-настоящему серьезной ссоры с мамой. Ночь напролет я бездумно выкладывала в ряды квадратики с листьями лиан, тигриными глазами и спинами, кусочками синего неба и облаков. Механическое действие лучше всего успокаивает. Это было любимым семейным занятием – собирать мозаику, а папа аккуратно наклеивал ее на кусок картона и вешал на стену, как картину.

Мама вошла в кухню в шесть утра, кутаясь в махровый халат. Заплаканная. Тоже всю ночь не спала. Тихо обняла меня и сказала: «Ложись! Я напишу тебе записку для школы». И начала собираться на работу. Жаль, что взрослым некому написать освободительную записку.

Сейчас бы все сложилось иначе. Олеся Николаевна научила меня жить мечтами о будущем. Руки Хирурга сняты реже, я будто выдохнула, избавилась от стыда, перестала в ужасе озираться назад, но это только с ее появлением в школе, а до встречи с ней была сама не своя.

Застала маму с дневником в руках. Дневник я хранила в шкатулке, а резной ключик носила на цепочке как кулон. Заходил кто-то из друзей, отвлек, и я забыла дневник на столе. Обыкновенная школьная тетрадка. Мама решила, что тетрадка с сочинениями, и принялась читать. Ей нравились мои сочинения, тетрадки по литературе – единственные с высокими отметками, преподаватели остальных предметов мрачно констатировали: «Жанна не учится, ничто ей неинтересно, выползает на тройки-четверки за счет генов». А литераторша мной гордилась. И мама тоже.

«*Ненавижу мать и лгу на каждом шагу*», – прочла она в моем дневнике. Губы задрожали, пальцы побелели. Отшвырнула дневник и повалилась на диван, будто ей кто подножку подставил. Я в дверях комнаты стояла, все видела.

Сейчас обняла бы ее и сказала: «Мама, не плачь! Во всем виноват мой неразборчивый почерк! Это не буква „м“ и не „мать“. Только те, кто не любит родителей, говорит о них „мать“, „отец“, отстраненно. Я же всегда говорила „мама“, „папа“, или в шутку: „предки“, „череп“, „шнурки“... – и мы вместе смеялись. В дневнике написано: „*ненавижу лгать*“. Ну вот же, видишь, точно такие „г“ галками ниже в словах „говно“ и „гаснет“. Как ты могла прочитать плохое?»

И мы бы никогда не поссорились так страшно.

Но я была не той, что сейчас. Визжала на всю комнату, что нечестно читать чужие дневники, нужно просто быть рядом. А после до рассвета собирала мозаику, пытаюсь понять, что же произошло между нами, прочувствовать силу отчаяния. Точно язык отнялся, и среди множества бесполезных слов, как в коробке с мозаикой, затерялся единственный нужный квадратик со словом «прости».

Потом я ей все объяснила, но потом значит «слишком поздно». Что-то треснуло между нами в ту ночь, из отношений исчезли тепло и откровенность. Что-то важное, что уже не склеить, было утрачено.

Может, поэтому и продолжаю вести дневник: надо же хоть кому-то довериться, даже если этот кто-то – ты сама.

****

Звонок в дверь. Длинная трель и сразу короткая. Марат.

С порога:

– Ну что, напишешь, как договаривались?

– А деньги принес?

Потоптался на коврике, извлек из-за пазухи блестящую коробочку.

– Вот.

Открыла.

– А почему тени розовые тронуты? У мамы скоμμуниздил?

Впрочем, из всего набора косметики пригодятся только квадратики с черными и фиолетовыми тенями и пудра – белая. Лучше б деньги принес, придурок, купила бы в секонд-хенде кожаную кепку под Клауса Майне.

– Да ты офигела! Набор – прямо из дьюти фри. Где ты в нашей дыре такое достанешь?

– Ладно, сдую, щеточкой почищу. Проходи.

Уселся на диване в моей комнате. Бегло осмотрел рок-н-рольные плакаты и уставился на сиськи Сабрины. Специально для них повесила. Пока мечтают, могу спокойно сосредоточиться – и написать. А финский «Rolling Stone» не дам ему листать, святое.

Помню, мама частенько штукатурилась перед моим трюмо: комната на солнечную сторону, а трюмо папа сделал из верстака и самого большого зеркала, которое тогда удалось достать в магазинах. Удобнее не придумаешь. Стену напротив окна я и украсила плакатами. Мама увидела искаженные экстазом рожи вопящих на концерте рокеров в зеркале за спиной –

чуть припадок с ней не случился от страха. Больше не приходит. Красится в ванной, там тоже свет ничего, яркий.

Хотя рок-н-ролл в семье у всех в крови. И свадьбу в студенческом общежитии они играли не под Мендельсона, а под популярную рок-композицию конца семидесятых, о которой все думали, что она о любви, а на самом деле – о тяжелой жизни индейцев в резервации. Но об этом мои родители узнали через много лет счастливой супружеской жизни. Это мы сейчас об Америке мечтаем, а они в школе учили немецкий.

«Close your eyes and I'll try to get in... 'cos I was born to touch your feelings...» – засунула кассету «Scorpions» в магнитофон – они всегда меня вдохновляли.

Еще летом отправила в городскую газету стихи:

*«Просто сумерки,
И не ночь, и не вечер.
И без умолку
Ветер на ухо шепчет
Те слова, что стесняюсь сказать...
Взять бы под руку ночь, да пойти гулять!
Переулками,
Звезды накинув на плечи...»*

Красиво же? А они не напечатали. Даже не позвонили.

И теперь пишу для одноклассников и друзей из моего квартала розовые записочки вроде: «Ты мне сегодня приснилась...» или «Я вижу, как твои руки обнимают меня...»

Пацаны их переписывают – с ошибками, своим почерком, чтобы никто уж точно ни о чем не догадался, и суют в карманы пальто в школьном гардеробе или в почтовые ящики всяким прыщавым, но грудастым девкам.

А для крутых, вроде Марата, сочиняю коронные фразы – что нужно сказать, чтобы дали прямо в подъезде. Он их наизусть заучивает. У кого из властителей дум, интересно, власти больше: у драматургов или у писателей? Не важно, все они, из школьной программы, умирали в нищете и забвении, а я процветаю. Потому что талант изначально был мерой золота. Это потом его закопали в землю и превратили в недоказуемый миф. Говорят, в знании – сила. Я считаю: свобода. Всякий волен выбирать, на что употребить свой талант, если он есть.

Когда меня пытались отчислить из школы за порубленные топором джинсы, наша классная кричала маме: «Дочитались! Жанна, девочка из интеллигентной семьи, ходит в школу хуже бомжа одета, куда уж свободнее! Беспредел!»

Утверждает, что читать за пределами школьной программы – преступление, то же самое, что за взрослыми подглядывать.

А мама свято верит: если человек читает, все у него в жизни так или иначе, рано или поздно сложится. Дома у нас почти александрийская библиотека, запрещенных книг в семье нет, читаю что хочу. Твердит только: «Береги глаза! Не читай в темноте».

Как секретарь мама имеет доступ к ксероксу на работе. Года три трудилась: отксеренные пачками талоны на водку меняла на раритетные книги. Так что теперь стеллажи доверху забиты самиздатовскими диссидентами, иностранкой и подписными журналами «Юность» и «Новый мир».

Потом в старших классах в школе объявили свободную форму, а мама решила, что родительские собрания ее тонкая нервная система гуманитария не выдержит. И теперь туда, как на каторгу, каждый месяц ходит папа. На семейном совете постановили: раз классная алгебру и геометрию преподает, папе-математику легче будет найти с ней общий язык.

Караулю его на лестничной площадке, тайком покуривая.

«Ну как?»

Он тяжело вздыхает: «Все то же». И добавляет заговорщицким тоном: «Но мы не будем расстраивать маму».

Отчего мне все время кажется, что в книгах правду пишут, а по жизни лгут?

– Готово? – трясет за плечо Марат.

– На, читай.

– Ощутить трепет твоих век на губах... Это еще что за хрень?

– Она закрывает глаза, а ты целуешь ее в сомкнутые веки, она тебе доверилась – и ты принимаешь этот дар. Полное растворение друг в друге. Есть такое состояние, как абсолютная близость. Когда закрываешь глаза, и... любимый человек может делать с тобой все, что захочет, хоть кусочки плоти вырезать себе на амулеты. Высшая степень доверия, понимаешь? Она расслабится – и тут ты бери ее тепленькой, голыми руками.

– Круто! Тебе надо на психолога пойти учиться после школы. А вообще – грейт сенкс. Много понаписала. Половину использую для Инги, а другую – для Майки. Пусть будет запасной вариант на Хеллоуин.

Ушел довольный.

Лучше бы они говорили и писали то, что думают. Но когда они это делают, девки их посылают нах. Ясное дело: ни хаты свободной, ни денег, чтоб напоить девку до беспамятства, нет. А тут медленный такой период созревания в подъезде у почтового ящика.

И почему Инга? Майка-то понятно, кто ее только не. А Инга – странная. Тихоня невысокого роста. И взгляд... будто сквозь тебя смотрит куда-то в иные измерения. Так и подмывает спросить: «У меня что, привидение за спиной?»

Еще подумалось, что трахаться в подъездах могут позволить себе только рок-звезды. Их никто не осудит: всего в жизни добились – недостижимая для обывательской морали высота. Для них падение – еще один полет. А если ты никто, то лучше и не падать. Грязь отвратительна. Как болото: сильный проскачет по кочкам на другой берег, слабого засосет.

Я вот не собираюсь сидеть на скамейке запасных. Когда человек любит по-настоящему, отдает все до капли, и не может быть никаких «вариантов».

И вообще: нельзя писать о любви! Потому что невозможно. Не получится обойтись без пошлости. Только ощутить трепет сомкнутых век...

Джанет, в нашем веке

После второго звонка в дверь Джанет на цыпочках пробежала по квартире, щелкая выключателями света. Звонили тихо, но настойчиво. Стражи порядка? Когда соседи-гастарбайтеры теряют ключи, жмут так, что штукатурка с потолка сыпется. А звонящий – человек вежливый, но явно по ее душу. И знает, что дома.

Третий звонок.

Джанет замерла у окна, напряженно вглядываясь в антрацитовый вечер. Светящаяся тьма. Фонарь пульсировал в ветвях каштана на ветру, как сердце дикобраза на анимированном рентгеновском снимке.

Откуда возникает страх перед людьми за дверью? Никогда не отпирала, чтобы понять, а двери на съемных квартирах как на подбор либо не имели глазка, либо выходили в общую прихожую, и невозможно было узнать, кто за дверью, не обнаружив своего присутствия.

Четвертый звонок. Так на краю памяти звонил лишь один, но его не могло быть сейчас за дверью. Из прошлого не возвращаются.

Она же, очнувшись от тишины, вернулась к компьютеру. Авиабилет до Неаполя за сто пятьдесят евро. Забронировать? Да. Чтобы стать свободной, нужно выдумать кучу правил и неукоснительно их соблюдать, иначе будешь жить по чужим. Первое правило гласит: хочешь счастья – избегай зимы. Стоит лишить человека чего-то однажды – и он всю жизнь будет гнаться только за этим, как за панацеей от всех бывших и будущих бед. А бегство и гонка хоть и разнонаправлены, но суть едины. После детства на севере Джанет гналась за летом.

Сентябрь в Москве – эпидемия суеты и нервозности. Словно вчерашним отпускникам объявили, что они доживают последние дни. Пора, вновь решила она. На сей раз – в Сорренто. Город над морем из далекого сна, где по-прежнему реяли буревестники Горького. Девяносто заветных дней, а дальше до безвизового Туниса через пролив рукой подать.

И скрываться ей незачем. Ничьих законов Джанет не нарушала, жила по своим. Не убийца, не вор, не преступник. Просто выдумщик или, как сейчас принято говорить, креатор. «Я пишу сказки», – уклончиво отвечала она на вопрос о занятиях. Хотя за последние годы не написала ни строчки. Мама оказалась права: пером на жизнь не заработаешь. Стезя писателя в наши дни – хобби, как переводчика или редактора Джанет обвиняли в невнимательности: прощала авторам и ведро зрелой вишни в мае, и сваренную на языческой Руси картошку, полностью погружаясь в придуманный ими мир. Свои коммерческие «непринятые» заказчиком и неоплаченные статьи до сих пор то и дело наугливали в интернет. Бессмысленно бороться с теми, кто сильнее тебя, – учись у них. Художественную литературу заменила прикладная. Училась всему сама. Сайт заказчика в случае неуплаты можно уничтожить. Разработка сайтов вела напрямую в электронную коммерцию, а из нее – к махинациям. Словечко обывателей. Джанет говорила: «приключениям».

Самым интересным приключением, пожалуй, были ночные райдеры. Любой запрет порождает новые возможности – сказочно разбогатеть тому, кто сумеет его обойти. «Riders on the storm», – напевала она вслед за Моррисоном, в очередной раз перенося виртуальное представительство по продажам алкоголя в ночные часы на новый хостинг. Парни варили самогон в Подмосковье, разливали по бутылкам с этикетками элитного алкоголя и отправлялись по звонку в ночь. Русскому мужику сколько ни покупай – все равно бежать за второй. Сайт постоянно блокировали, но каждую ночь он всплывал на просторах интернет, а райдеры, груженные под крышу, до рассвета колесили по неспящей Москве. Строчками кода Джанет писала историю их дорог.

Виртуальная жизнь позволила колесить по миру и ей. Джанет никому не должна, ее нигде не ждут. Может зарабатывать из любой точки мира. Ни с кем не связана дольше, чем на проект.

Любой социум воспринимала, как охотник тайгу, где каждый хищник выживает сам по себе, в одиночку, предчувствуя опасности и рискуя оправданно, тщательно продумывая возможности и взвешивая на ладони судьбы свои способности. Не решалась идти на крупного зверя – белые корпорации с миллионными заказами, зная, что не выстоит против, так как все они склонны превращать фрилансера в раба 24 / 7 онлайн, что значит убить охотника. Работала, как промысловик по пушному зверьку: для мелкого, но ценного бизнеса, или, проще говоря, теневого. Кому есть что скрывать – готовы платить дорого.

Родителям аккуратно звонила раз в неделю – сообщить, что жива-здоровая. А все прочее, кто жаждал семейных уз и оседлости, остались в прошлом. Времени нет, повторяла себе, мельком отмечая, что любовники меняются как времена года и год от года молодеют. Лишь недавно задумалась о быстротечности времени и, следовательно, существовании. Сначала весной в аэропорту, в очереди на таможенный контроль, обнаружив в паспорте спутника девятку в годе рождения. А позже летом, в московском парке, узнала от парнишки-брейкдансера, что дети нулевых уже доросли до того, чтобы крутиться на голове и стрелять сигареты.

И сейчас, сверяя цифры авиабилета Москва – Неаполь, Джанет вновь окунулась в чувство, что всю жизнь от чего-то бежит. Или от кого-то.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Каждую осень ветер гонит по Озерному проспекту вниз, к набережной, вихри желтых листьев. Морозный, прозрачный воздух, осыпается иней с веток, и, кажется, город цепенеет, медленно погружаясь в зимнюю спячку. Я останавливаюсь посреди проспекта или набережной, пытаюсь расслышать слова колыбельной. Но улавливаю только мелодию, она похожа на тихий перезвон маленьких колокольчиков.

В этом году снега не ждали. Деревья не успели облететь, ветрогона не было. Ветки гнутся к земле под тяжестью снежных шапок на листьях. Сыро, промозгло. Снег идет и идет, вторые сутки подряд. Говорят, многие деревья сломаются, погибнут. Ощущение полной беспомощности: жалеть – жалеешь, а спасти не можешь, нечем помочь, не будешь же соскабливать лед с листьев каждого дерева.

Еду на троллейбусе до Зареки – бесцельно бродить по размытым, чавкающим грязью дорожкам меж деревянных домов, словно бегу из скандинавского чистенького и уютного городка на окраину Руси, в есенинское прошлое. Перешагиваю через трухлявые поваленные стволы берез, заплетаю в косы ветки плакучих ив над рекой, которая давно никуда не течет и напоминает болото.

– Это не наша, это зарецкая грязь! Что ты забыла в этом убогом районе? – поморщилась мама, разглядывая мои ботинки. Не успела их вымыть перед ее возвращением с работы.

– Там опасно, самый криминальный район города! – поддержал ее папа.

– Не опаснее нашего.

Чуть не крикнула снова: «Забыли Хирурга?»

Но они и так все поняли, замолчали и прекратили расспросы и убеждения.

Зарека – корни нашего города. Старые дома, сохранившиеся или перестроенные со времен петровской слободы вокруг пушечно-литейного завода. Наш город вырос из этого неказистого поселка, и теперь мы все живем в новых многоквартирных домах, а зарецкие – в историческом прошлом. У нас одинаковые окна: не отличить ни днем, ни в сумерках, когда светятся, а у них – на каждом окне резные наличники и ставни с поэтическими узорами разного цвета и формы. Там часто отключают свет, и в окнах зажигаются свечи.

Я еду на Зареку тайком, с тех пор как увидела его в июне. Тополиный пух кружился в солнечных лучах, как снег. Он танцевал у калитки, изображая лунную походку. Загорелый, в обтягивающих джинсах, голый по пояс. Гибкий, как канатоходец. Почувствовал мой взгляд, поднял голову и улыбнулся. Черные глаза – ожог!

Таким я представляла себе цыгана Лойко Максима Горького.

Учительница по литературе призывала меня любить Гоголя. Но я его ненавижу! «Шинель» – бесконечная цепь постыдных унижений. Половая тряпка, а не шинель. Персонажи «Мертвых душ» вообще паноптикум какой-то – один другого уродливее. Русью-Тройкой правит нерусский, потому что русский человек – созерцатель, он на печи лежит, думает, а не суетится, скупая чужие мертвые души. А вот Горьким я зачитывалась, его герои стали пределом всех моих мечтаний. Кто-то скажет: романтические персонажи нежизненны и банальны, но зато как они красивы! Они – герои, а не маленькие жалкие людишки!

И тогда, в июне, под тополиным пухом, похожим на снег, я увидела живое воплощение своих грез.

Снег кружится за окнами троллейбуса. Сейчас на остановке разъедутся двери, он вбежит по ступенькам, увидит меня – и улыбнется, как тогда. И будет таять снег на черных волосах, и буду таять я, как в самом сладком сне... Надо срочно придумать оправдание, если спросит, куда еду, почему на Зареку? Бабушка там у меня жила, например, тоскую, хожу вокруг старого заколоченного дома, вспоминаю детство, которого не было до того, как мы переехали в новый

район... Но ему же необязательно рассказывать, что не было, что никогда не жила на Зареке. Не станет же он узнавать семейные истории всех заколоченных зарецких домов!

«Кличка – Джексон. Зовут Женей. Фамилия – Романов», – позже сообщил Марат, ходячая энциклопедия тусовщиков города. Всех и всё про всех знает.

Здорово, подумала я, что наши имена начинаются на одну букву, словно увидела тайный знак. Букву, с которой начинаются все неприятности. Или приключения?

– На хрена он тебе сдался? Нищета цыганская, у него даже ванной нет, чтоб помыться.

– Образ бродяги. Писать о любви нужно учиться у менестрелей.

– Так он двух слов связать не может! Дебил. Абсолютный ноль.

– Сам ты дебил, Марат!

Больше о Джексоне не разговаривали. Надо бы что-нибудь еще о нем выяснить у того, кто в поэзии смыслит, а не девок по подъездам тискает.

Результат прогулки по Зареке: насквозь промокшие ноги, черные щеки и пальцы – потекла косметика, не спас даже натянутый на глаза капюшон куртки. Снег с дождем, грязь под ногами – и ни души вокруг.

Отчего-то вспомнился такой же внезапный снег в прошлом апреле. Выпал накануне майских праздников, у папы как раз был отпуск. И мы торчали с ним вечером на лестничной площадке, он курил, а я донимала его вопросами.

«О чем ты мечтаешь?»

«Каждый год на три-четыре дня город окутывает нежно-зеленая дымка. Клейкие юные листочки на деревьях, почки можно размять в ладонях и вдохнуть запах начала начал. Самые счастливые мгновения весны. Десять лет уже пропускаю: то научные конференции, то доклады, диссертация... В этом году решил: все, нельзя пропускать весну! Взял дни за свой счет – и вот...»

Не глядя, махнул рукой в сторону окна. За плечами не падал, а отвесной стеной стоял снег. Тусклый свет рыжих фонарей пробивался сквозь густую пелену. Папа думал, я не замечу в темноте подъезда, но когда повернулся в профиль затушить сигарету, в свете фонаря вспыхнули выступившие на глаза слезы.

«Знаешь главное свойство времени?» – спросил он.

Я помотала головой.

«Все проходит, как снег, боль или отпуск. Жаль, что и жизнь тоже. Не завершается, а проходит. Делал что-то, делал, не успел доделать – и уже шагаешь по дороге из желтого кирпича в Изумрудный город».

Мне стало невыразимо тоскливо. Я решила жить быстро, как герои рок-н-ролла, каждый день – как последний. А о смерти к тому времени уже почти все знала.

Впервые поняла, что живое хрупко и может погибнуть в любую минуту, когда мне было лет семь или восемь. Бежала за автобусом наперерез через площадь. Площадь была покрыта сизым шевелящимся ковром голубей, клевавших хлебные крошки. Я бежала, голубиное покрытие мгновенно превращалось в ковер-самолет. Мне и в голову не пришло, что птица может не взлететь, не увернуться. И вдруг под ногой – что-то скользкое, мягкое, хрустнуло. Воробышек *собирал* крошки подле голубей. Я ощутила необратимость прошедшего времени глаголов: больше не собирает – и никогда не будет. Баюкала в ладонях еще теплый трупик.

Взрослые за спиной перешептывались: «Может, закопаем птичку под деревом? Девочке легче станет».

«Не трогайте, первый опыт смерти. Надо пережить, осознать».

Вскоре все разошлись, а я осталась одна посреди площади. Воробышек на ладони был уже холодным.

Позже в жизни возник Хирург, и я узнала, как приходит смерть. Больно, но буднично. И ничего ты с ней не поделаешь. Непреодолимое зло.

С бабушкиных похорон тоже все родственники расходились, обсуждая какие-то мелкие домашние дела, каждый в свой будний день. А она осталась одна под каменной плитой за оградой кладбища, будто так и должно быть.

Часто мне потом снилось, что она по-прежнему с нами, но словно не в нашей квартире, а в какой-то чужой. И песок летит в раскрытые окна, заметает полы, столы, шкафы, и мы уже по горло в песке, не можем пошевелиться. Она просила вымести песок из дома. Я рассказывала о снах родителям, мы возвращались на кладбище и укрепляли могилу: почва оказалась песчаной – и памятник проседал, сгибался к земле, чуть не падая.

В день поездки на кладбище покупали цветы, и папа говорил, что нет смысла делать крюк от дома к цветочному магазину, чтобы потом возвращаться обратно на автобусную остановку, что цветы можно купить у дороги перед кладбищем. Мама ворчала: «Математик! Ничего-то о жизни не знаешь». Однажды и я увидела, как нищие забирают еду и сигареты у покойников – и поняла, почему мама заставляла нас делать этот крюк.

Гуляя сегодня по Зареке, мечтала, что мы с Джексоном будем, как Орфей и Эвридика. Мимолетная встреча летом, зимой – разлука и царство тьмы, но если я начну замерзать, он придет и согреет, спасет меня своим танцем. Или как Геро и Леанр: ночью я зажгу в комнате свет, он переплывет зарецкое болото, и мы уже никогда не расстанемся.

«Ты мой свет в окошке», – твердила мне покойная бабушка.

Евгений Романов, в нашем веке

Он узнавал птиц по голосам и мог исцелить любое мохнатое существо. В городе к нему обращались не иначе, как Евгений Романов или доктор Романов. Уважали все, кто любит животных. В северном краю животные – залог тепла и уюта в доме.

Антрацитовый блеск глаз скрадывала легкая седина на висках. «Рано, Жен», – сокрушалась мать. Но только таким он смог обрести самоуважение и жить в ладу с самим собой.

«Вырождаемся, – рассудил отец. – Единственный сын как ракло¹ рос, так и всю жизнь не делом занят».

«Брось, животных природа исцеляет», – поддакивала мать.

«Больше нет. Звери в нашем безумном мире больны, как и люди», – отвечал Евгений.

В восемнадцать лет добровольно пошел в армию – служить в горячие точки. Чечня не иссякала, а его черные глаза как раз там были востребованы. Ходил в разведку и на переговоры в аулы. После имел льготы на обучение. Выбрал профессию ветеринара.

Однажды вылечил даже львенка из гастролирующего цирка. Львенок терял зрение, плохо ориентировался в пространстве. Альбинос, ничего не поделаешь. «Держись, тетка, проремся», – шептал ему, капая в глаза бабкины отвары. Евгений был единственным врачом в городе, не чуряющимся нетрадиционной медицины, способной исцелить безнадежно больных. В умелых руках и скальпель, и дорогие лекарства в фирменных упаковках, и дары природы превращались в мощную систему обороны хрупких теплых мирков внутри тел от смертоносных ветров отчаянья. Белый лев вырос на арене, судя по афишам: цирк приезжает в город каждое лето.

Семья Евгения кочует по городам, точнее, ее женская половина. Отец умер в пути, не дождавшись коронации сына. Старшая сестра выгодно вышла замуж в Санкт-Петербурге, а куда дальше они отправились всем табором – устал следить. Вздохнул с облегчением, когда проснулся один. С периодичностью раз в полгода звонили и требовали денег в связи с финансовым кризисом или рождением очередного наследника. Евгений включал режим экономии и высылал перевод, чертыхаясь процентам. Зарплата у царя зверей не соответствует признанию в кругах общественности, а руку не золотил никогда – цыганские корни в прошлом. Со временем научились обходиться сами и звонили теперь, чтобы справиться – жив ли?

Старый дом потихоньку в кредит облицовал сайдингом, сделал ремонт, провел электричество и горячую воду, печь перестроил в камин. На Зарецком пустыре в конце улицы вместо поля разбили парк, рядом с ним выросло двухэтажное здание – единственная в городе клиника для домашних питомцев. Живет почти на работе.

И вот вчера принесли кошку по имени Жанка.

Иногда забытое слово может всколыхнуть... вечность.

– Неподходящее имя для кошки, – подумал вслух.

– Почему? – удивилась хозяйка.

– Кошке нужен дом.

– А Жанке – нет?

Она не вернется. Евгений знал это, как отче наш. Чувствовал, как ветер в камине сквозь сон. И даже выходя из дому в ночь, чтобы услышать ее далекий голос из-за невидимого в темноте горизонта. Она научила его читать: не складывать буквы в слова, а искать скрытый за ними смысл.

– Когда прадед паспорт получал, спросили: чей будешь? Цыгане, ромы... Как еще могли записать? – пересказывал семейную байку.

---

¹ не цыган, чужой

– И Нищий стал Принцем, – шутила она в ответ. – Романовы – царская фамилия.

Царем он и стал, но не для людей – для животных. Впрочем, благодаря им, и для некоторых людей тоже. Для людей особой – самой лучшей породы. Другие не в счет: цивилизованное общество строится милосердными к низестоящим на ступеньках эволюции, законы бытия всегда справедливы, и истинная власть дается тем, кто их соблюдает.

Благодаря Жанке, Романов нашел ответы на все свои вопросы в книгах. Кроме одного: был ли он честен с ней, рассуждая о цыганской свободе? Когда точно на временном отрезке пути родилась его собственная мечта: всецело принадлежать обществу, найти свое место в нем, стать его неотделимой – полезной – частицей, до или после встречи с Жанкой?

«Я не искала бы тебя, если бы уже не нашла в своем сердце», – хранил он ее выцветшую записку. Лишь спустя много лет Евгений узнал, что книжная эта фраза адресована Богу.

Из дневника Жанки, на грани столетий

Осень в этом году нервная или зима нерешительная? Ночи разбрасывают по небу не звезды, а пригоршни крупного льда. Но после снегопадов настали сухие ветреные дни. Был снег – и исчез. По-моему, если выпал, так лежи. А когда ни то ни се, не знаешь, что чувствовать. Как во сне живешь. И только Млечный путь ледяной дорожкой от балкона прямо в зиму.

Что-то нас ждет...

Утром решила погадать по книге. Взяла первую попавшуюся с книжной полки, открыла наугад и прочла: *«Идеализм – крайняя форма отчаяния. Сон наяву»*².

Мне часто снится наше идеальное будущее. Сегодня ночью мы с Джексонем катились на светящихся роликах по Озерному проспекту вниз, к набережной. Над головой – звезды, за плечами – россыпи золотых фонарей. Головокружение огней!

Таких роликов в продаже нет, есть только велосипеды с катафотами, отражающими свет, они тускло мерцают в сумерках, но не светятся сами. Светящиеся ролики изобретут в двадцать первом веке. Останемся ли мы там и наяву вместе?

«Придерживайся своей стороны», – сказал Джексон во сне.

Вечером поджидаю Леру возле Университета. Подруга старше на год и уже учится на юриста. Лера серьезнее меня, за год до поступления выбрала факультет, будущую профессию, посещала подготовительные курсы, всю весну и лето зубрила, поступила. Теперь придется выбирать мне. Но я не знаю, чем заняться и куда пойти учиться после школы. Мама твердит: «Только не филфак! Посмотри на меня, на свою учительницу по литературе... Читать книги можно и нужно вне зависимости от образования, которое должно кормить не только душу». Но другие предметы меня не интересуют. Литература учит жить, и кормить надо душу, а она научит кормиться тело.

Сегодня все пошло не так: опаздывала, а светофор на перекрестке не работал. Побежала до следующего. Могла разминуться с Лерой, но страх очутиться под колесами пересилил, с детства боюсь машин.

Вдруг за спиной раздались резкие хлопки. Визг тормозов. Оглянулась: на противоположной стороне улицы у перекрестка столкнулись вишневая девятка и джип. С водительского сиденья девятки, развернувшейся от удара поперек дороги, в распахнутую дверь выпал водитель. Это в него стреляли. И на глазах у всех выстрелили еще раз – в упор.

Не помню, сколько прошло времени. Оно как будто перестало существовать. Бандиты смылись. Примчался милицейский уазик. Улицу перекрыли. Все столпились вокруг лежащего на дороге бизнесмена. Привстала на цыпочки – из-за спин увидеть, как из кармана пиджака выпал остов часов на золотой цепочке. Уже без циферблата. Говорят, ТАМ времени нет. Он ушел туда, и его земное время исчезло.

А чуть поодаль, на тротуаре, несколько прохожих стояли над другим телом.

«Опять разборки! Студента рикошетом задело», – услышала, подходя ближе.

Студент лежал на газоне, раскинув руки, и смотрел в небо. Глаза у него – как у Джексона: радужки сливаются чернотой со зрачками, а внутри – очерк летящих по небу облаков. Будто прилег на траву отдохнуть или, как в игре, притворился.

В детском саду мы играли в «Оживи мертвого». Нужно лечь на спину, скрестить руки на груди и ни за что не шевелиться. Тебя щипают, тормошат, щекочут, пока не оживешь. Выигрывал тот, кто дольше всех оставался мертвым.

Мне нестерпимо захотелось ущипнуть студента.

---

² Н. А. Бердяев

Зачем все это? Учишься в школе, набираешься знаний в университете, чтобы шальная пуля в одно мгновение вышибла их из тебя? Зачем планировать свою жизнь, если все в ней так непредсказуемо, так ужасно случайно?!

Вернулась домой и села писать письмо Джексону.

«С тех пор, как узнала тебя, боюсь потерять».

Что я знаю о нем? Мы незнакомы.

«С тех пор, как увидела тебя в июне, боюсь потерять».

Не потеряю! Стоит зажмуриться – и он как сейчас танцует перед глазами.

«Мой мир разделился надвое: до нашей встречи и после».

Только «до» осталось в июне, а за все лето и начало осени мне так и не удалось разыскать тебя. Может, «после» и не случится. Легко писать по заказу, но трудно правду! Не успеваешь написать предложение – и оно тут же теряет смысл.

«Как мне найти тебя?»

В одиннадцать ночи позвонила Лера. Плакала. Сказала, что студента звали Гришей, он первокурсник, и что наша общая знакомая, Надя из одиннадцатого «Б», с ним встречалась.

«От армии парня сберегли – и на тебе! Точно все живем на какой-то невидимой войне», – расстроилась мама.

А если бы я побежала на другую сторону, несмотря на сломанный светофор? – подумала, вспомнив, что сказал Джексон во сне. И внутри похолодело.

Неужели все знал, хотел предупредить об опасности?

****

Письмо Джексону я не написала, вернулась на Зареку.

Из-под капюшона куртки, замирая от страха и стыда, всматривалась в проем улицы, где он танцевал в июне. Главное – не быть узнанной. Мама внушила: женская гордость – единственная ценность, что у меня есть, не смей никому ни звонить, ни писать, ни даже улыбаться первой. До явления лунной походки Зарека была для меня заповедным краем, куда тянуло необъяснимо, и никто не мог меня поймать. Но как только незнакомые улицы обрели цель – его лицо, глаза, улыбку, я словно утратила право здесь находиться.

Сегодня улица пустовала. Я шагнула вперед, медленно, крадучись, чтобы в случае чего сразу улизнуть дворами на соседнюю. На втором перекрестке из его калитки вынырнула молодая цыганка в цветастом платке и с бидоном в руках. Мама или сестра? Глянула на меня с подозрением, так смотрят на чужаков. Я ускорила шаг. В конце улицы почти бежала, с трудом переводя дыхание. И вдруг дома по обеим сторонам кончились, улица оборвалась в поле. За полем – заброшенный дом. В таком вполне могла родиться и моя бабушка. Она любила окраины. И мне захотелось в нем побывать.

Обошла дом по кругу. Выглядел необитаемым. Но не все окна были заколочены. В одном мелькнула тень. А в заборе передо мной зияла дыра. Через нее и проникла во двор.

– У тебя глаза викинга. Ты, верно, смелая!

Подпрыгнула от испуга. Рядом со мной стоял старик, опираясь на палку. Невольно перевела взгляд на окно.

– Мы здесь вдвоем, – пояснил он, будто читая мысли.

Смотрел на меня в упор, часто моргая, и глаза на мгновение подергивались пленкой, как у голубей или ящериц. Мне стало не по себе, а старик продолжал говорить, не со мной, а куда-то в пустоту за моей спиной.

– Шестнадцать? Прекрасный возраст! Все пути открыты. Но скоро песочные часы тряхнут впервые, и время начнет ускользать сквозь пальцы – не остановишь.

Сумасшедший, подумала, надо бы валить отсюда. Но ноги не слушались.

Вдали раздался протяжный гудок.

– Молоко привезли, хочешь? – спросил он.

– Нет, спасибо, – отшатнулась в ужасе.

Он вылез через дыру наружу. Присела передохнуть на минутку у забора, а когда выбралась в поле, увидела только ветер. Ветер легко увидеть, если трава волнуется, как желтое море, а деревья кланяются, как швейцары пятизвездочных отелей или грешники на причастии. Не видела ни того, ни другого, ни третьего. Да и старика, как пишется, след простыл. Удивительная способность перемещаться в пространстве! Был – и нет его. Куда можно подеваться в открытом поле?

Дома принялась разглядывать себя в зеркале. Если и викинг, то вырождающийся. Цыпленок, если быть честной. Мини-юбки противопоказаны, только джинсы клеш. Монгольские скулы, явно не северные. Оттенок волос называют русым, я называю мышинным. Белая тонкая кожа, капилляры близко – краснею по поводу и без, пудры на маскировку тонну извела! А глаза – да, того самого цвета нашего моря-озера – синь серебра. Считается вторым по величине на европейском континенте. Но хочется быть первой и единственной. Хочется быть Геро... Может, и волосы выкрасить в синий цвет?

– Ужин готов! – позвала мама с кухни.

– Я не буду! – прокричала в ответ в открытую дверь.

И снова уставилась в зеркало. Но теперь мы там отражались вдвоем. У мамы тоже дар телепортироваться по дому. Скрестила руки на груди, пристально разглядывая меня.

– Никаких диет, некуда мне худеть, – успокоила ее.

– Тогда пошли есть.

– Сегодня лягу спать без ужина. Бабушка рассказывала, на голодный желудок цыгане снятся.

– Он не один, а со всем табором придет! – рассмеялась мама.

Догадалась.

– Больше не поеду на Зареку, – пообещала ей.

– Езди куда хочешь, но будь осторожна.

Инге бы так не ответили. Все-таки повезло мне с родителями. Сидели у нее однажды дома, пили чай на кухне, смеялись. А потом пришла ее мама... Инга вскочила со стула так, словно мы курили траву. Помню, отчитывала Ингу в коридоре, не понижая голоса, чтобы и я услышала: «Не приводи в дом барабашек! Крест в ухе, немисливо! Сама скатишься!» А моя мама взвесила на ладони алюминиевый крест и рассудила, что такой легкий ухо мне не оттянет, и разрешила носить. А Инге ничего не позволят, дышать не дают спокойно, за каждую тройку ругают. Марат ее несвободой воспользуется, возьмет «на слабо». Мне уже впаривал: рок – музыка твоих предков, «ты так несовременна рядом со мной», рейв слушай, винил носи... А я смотрю на афиши и не понимаю, что такого сделали все эти диджеи: чужую музыку перекроили?

Марат сообщил: убитый возле Универа бизнесмен – хозяин бывшего ресторана на Озерном проспекте, который теперь Питер переоборудовал под новый ночной клуб, «Неосад» называется, моднее не будет в городе. Забрали помещение, не заплатив и трети, когда потребовал свое – пристрелили. Для столиц наш городок – чухонское окно в Европу, и на пересечении дорог сильных мира сего войны не прекращаются. Городок замер, ждет: кто победит, кому жопу лизать и бабло отстегивать. Тихий северный край. Надо бы Ингу предупредить насчет Марата. По уши в криминале, готовит себе светлое будущее после школы. Повторяет за старшим братом: «Конец века – разграбление империи, великий беспредел. В обнулившемся мире будут новые законы, а пока будущее не предопределено, надо успеть набить карманы».

– Как же вы мне надоели оба, созерцатели застеколья! – вклинилась мама в мои размышления.

– Застеколья?

– Один в монитор компьютера смотрит, другая – в зеркало! А ужин стынет!

Да, быть дочерью ученого – привилегия. У нас даже видеомонитор, как у всех обеспеченных семей, нет, а компьютер есть. «Отцу на работе выделили, не приближайся, сломаешь – не рассчитаемся!» Включаем тайком с друзьями, когда папа уезжает на свои конференции, чтобы посмотреть, как мелькают белые цифры на синем экране. Будто в космос летим, загружаем будущее. А будущее продается: фенечки из кожи и бисера для меня плетут за возможность взглянуть хоть одним глазком.

Пужинаю – придет мое «я» из будущего мучить меня вопросами о смысле жизни. Останусь голодной – есть шанс увидеть, как табор уходит в небо. А ты будешь танцевать на облаках, мять их босыми ногами, как виноград. Во сне на земле пойдет кровавый дождь, как в фильмах ужасов, и лишь я буду знать, что твоя кровь на самом деле вино.

Возле плиты стояла бутылка с характерным узким горлышком: темное стекло, красное вино. Хлебнула залпом, пока мама с папой суетились вокруг стола. «Боже! Это подсолнечное масло! Худшей гадости...»

– Радуйся, что не укус, – упрекнул папа, пока промывала рот над раковиной.

– Неправильно мы с отцом тебя воспитываем, – вздохнула мама.

– Наоборот правильно, – возразил папа, – растим свободного человека новой эпохи, а не узника страны советов. Без ошибок не обойтись.

Он математик и знает, сколько неправильных решений нужно перебрать, чтобы найти одно – правильное. Мама с ним не спорит. В нашей литературе вообще не принято отвечать на вопросы, только задавать.

Ответить придется читателю. Пишут же: утро вечера мудренее. А главное – оно всегда настает, сколько ни откладывай.

****

– Сейчас Жанна прочтет доклад о романе Евгения Замятина «Мы» и ответит на ваши вопросы, – объявила литераторша и посмотрела на меня по-кошачьи.

Я на секунду прикрыла глаза – глупая детская привычка прятаться: кажется, если ты никого не видишь, то и тебя не поймают.

– У нас с тобой уговор, – сказала она.

Кошки всегда получают желаемое, надо бы у них поучиться.

Снова это тошнотворное чувство беспомощности, как в кабинете у зубного: девочка, скажи «а-а-а», деваться некуда, придется разинуть рот.

Уговор заключался в следующем: она покрывает мои прогулы, а я готовлю доклады по внеклассному чтению. Наша школа объявила себя лицеем, и меня чуть не отчислили после девятого класса, когда всех, кто портил общую картину успеваемости, в том числе по поведению, разгоняли по просто школам и ПТУ. Литераторша с историчкой убедили всех, что у меня способности к гуманитарным наукам, размахивая перед носом директора моей медалью за сочинение о «Преступлении и наказании» Достоевского для городской олимпиады. Медаль была одна, их всего двое, а проступков и замечаний в моем дневнике – уйма, но гуманитарии все-таки обладают даром убеждать. Их послушали. Мне дали зеленый свет в старшие классы и университетское будущее.

Алиска поступила в кораблестроительное училище. Но уже ко второму курсу выяснилось, что никакие корабли они там не строят, а без присмотра балду гоняют по коридорам. Второй год балдеет без чужой указки!

– Старый парк аттракционов скоро закроют. Может, на зиму, а может, навсегда, – сообщила мне по секрету. – Надо успеть!

Я вспомнила свое последнее первое сентября. Выпускной лицейский – до невозможности пустой класс! Надписи и рисунки на партах покрасили, под ногами не доски, а новенький линолеум, а главное – лица в окружении гладиолусов! Никогда не любила этот гербарий, ничем не пахнет и ассоциируется с концом лета и свободы. С концом всему. Сидели за партами: «ровная осанка – правильный статус». Сами как гладиолусы: прилизанные, отглаженные, точно свободную форму объявили для меня одной. Оглядела класс: единственные из выживших близких – Марат, Коста, Инга. Остальных еще год назад слили и долили чужаками из других классов.

Марат прическу соорудил под «Dereche Mode». Ангел изменчивой моды. В детском саду воспитатели называли его «амурчиком» за «нежные щечки», еще тогда мерещилось в нем что-то подленькое, лживое, как в любом идеале. Срифмовала амур с лемуром. Смотрит не мигая, и никто не знает, что у него на уме. Лапкой хватать – и полмира в руинах. А после того, как в первом классе попросил прыгнуть на незапечатанную крышку колодца во дворе – чуть не перевернулась! – уже не сомневалась, кто он на самом деле. На Косту, прямо у нас за столом, опрокинул вскипевший чайник – как бы невзначай. Коста теперь красавчик, крутой барабанщик рок-группы, но мама однажды грустно сказала, что жениться он вряд ли сможет, и девчонки за ним бегают зря.

Инга... Что о ней рассказывать? У нее даже комнаты своей нет, живет при младшей сестре как нянька. Иногда думается: друзей, как и родителей, не выбирают. Как сидели с Маратом на одном горшке в детском садике, так и сейчас не далеко друг от друга переместились: за одну парту и на ступеньки общей лестничной площадки.

Лера с Алиской тоже сидели за одной партой, и меня тогда в их жизни не существовало. Писали на стенах и скамейках: «ЛЕРА + АЛИСА». Но потом Лера уехала в летний лагерь к морю, а мы с Алиской море рисовали разноцветными мелками на асфальте во дворе. Осенью в школе Алиска познакомила меня с Лерой, и я ей сразу понравилась тем, что выгодно оттеняла их дуэт блондинки и брюнетки своей мышастостью. В шестом классе Алиска подхватила гепатит, пропустила много занятий, и ее переместили в мой класс, на второй год. После мы еще долго называли себя тремя мушкетерами. А сейчас я жду Леру возле Универа на Озерном проспекте, Алиску возле ПТУ на набережной. И пути их не пересекаются. Лера нацепила тонкие очки в позолоченной оправе, стянула белокурые волосы в хвост и изо всех сил старается походить на юриста, считает, правильная внешность поможет сдать все экзамены и получить диплом. А подруга-пэтэушница портит ей имидж. Странно, что и мама с недавнего времени частенько ставит мне ее в пример. Не Алиску, конечно, Леру. Однажды вообразила себя юристом – и расхохоталась: более злостного нарушителя правил не найти. Хотя... говорят же: «закон что дышло». Можно было бы стать адвокатом, искать дыры, как в заборах, и спасать бунтарей вроде меня.

А пока мы с Алиской действовали по плану: несколько капель йода на кусочке сахара, ломтик луковицы, выжатый в глаза, – и вот оно, заветное официальное освобождение по причине ОРЗ.

Раздолбали все гоночные машинки, два раза прокатились на «Чертовом колесе», выпили в кафешке на летней веранде шампанского. А потом лежали на зеленой пока траве и смотрели в небо. Высокое и прозрачное, с легкими перьями облаков. Ощутила, что пью эту синь глазами, почудилось, что лечу. Или падаю? В бездонную пропасть небес, как Холден Колфилд. Самые волшебные дни осени! Если бы на третий во дворе не встретили мою классную...

И вот сейчас выставили перед гладиолусами. И надо бы как-то начать о перегибах тоталитарного режима, где все были равны, даже по половому признаку, и о наших замечательных постперестроечных временах, где каждый уникален и волен выбирать себе судьбу и дорогу. Ерунда! Все они одинаковые! Модные. Все как все. Шмотками обмениваются. Ни за что не надела бы чужое платье!

Ощущение тяжести в желудке, а в голове все крутится вопрос: «Зачем I-330 понадобилось взрывать Зеленую стену? Почему самим не сбежать? Бросили бы зомби на произвол судьбы и через Древний дом – на волю. Нет, пожертвовали собой ради тех, кто ничего не знал и не просил даже».

Пригрезился старик-отшельник с глазами ящерицы из заброшенного дома на краю поля. Считается, ящерицы – прямые родственники доисторических драконов или динозавров. А вдруг он колдун и открыл третий путь? Если вспомнить, с какой скоростью перемещался в пространстве...

– Девочка плохо социализируется, – говорили обо мне сначала в детском саду, а потом и в школе. – Никакой солидарности с окружающими. Если дело так и дальше пойдет, то встанет вопрос о способности сопереживать. Об отсутствии человеческого сочувствия, об аутизме, алекситимии.

Мама с папой не верили. Я тоже, но мне приходилось изображать эту самую солидарность. С детства ненавидела командные игры: несколько придурков рвут друг у друга мяч, то ли дело бег: обогнал всех – прибежал первым, если никто подножку не подставит на старте. Коллективные медосмотры приводили в ужас. Всякий раз говорят: «Раздевайтесь!» – и такая безысходность накатывает! Хочется уйти внутрь себя, нырнуть с головой в свитер, как в колодец, или хотя бы закутаться в плед. Чтобы никто не сравнивал меня с другими.

Стою перед классом, дура душой, и рта не могу раскрыть. «Девочка, разденься и скажи «а-а-а», а мы будем оценивать, насколько правильно ты это делаешь. Иногда говорить то, чего ждут, – как пытаться проглотить склизкую молочную пленку. А сказать то, что не можешь не сказать, – значит раздеться на площади перед всеми. Чувство незащищенности, словно будут бить за каждое слово, которое для тебя хлеб, а для них – оскорбление. Как легко писать сочинения, как тягостно говорить вслух! Сюжет пересказать?»

В детском саду нас кормили жидкой молочной кашей, на поверхности вечно плавали сгустки топленого масла. Выворачивало наизнанку от одного вида, как ни пыталась, не могла впихнуть в себя ни ложки. С голодухи начала таскать хлеб и ела в тихий час под одеялом. Нянечки обнаружили крошки. Выстроили всех у разобранных кроватей.

«Подойдите каждый к своей. Чей номер двадцать два?»

Отступать было некуда. Выставили в трусах в старшую группу. Худшее наказание – унижение, потому что боль проходит, а страх и стыд – нет.

В тот год я сбежала. В марте. Пока все спали, пролезла меж прутьев ограждения на детской площадке. Не такая уж и маленькая была, раз сама смогла натянуть рейтузы и зашнуровать ботинки в раздевалке. А поймали потому, что не знала, что делать дальше, за забором, и куда идти. Главный парадокс взросления: чтобы знать, как поступить, нужно быть человеческой личностью, а не личинкой человека, но личность формируют поступки.

Помню, среди облаков в весеннем небе летел вертолет, как многокрылый птеродактиль, и лопасти пропеллера рассекали облака. Прохожие задирали головы и тормозили на мгновение, словно само время замедлило их бег по делам.

Ночью спросила у себя-будущей:

– Почему они все-таки не сбежали?

– Некуда бежать. Любое время и пространство вместе образуют территорию, всякая территория населена и принадлежит тому или иному обществу. А общество, где мы вынуждены пребывать, незаметно меняет каждого под себя. Слово «успех» значит за всеми успевать, шагать в ногу. Дело не в общественном строе, а в том, что нужно строиться и подстраиваться. Не хочешь сопричастности, живи одна в поле, за пределами мира, как старик-ящерица.

У меня впереди два доклада: «Дивный новый мир» Хаксли и «1984» Оруэлла. Три дня – три доклада. Как специально выбирали, чтобы выведать и спалить сокровенное. Ни к черту мне не сдался их бунт! Одному ампутировали душу, второй повесился, третий признал правоту

партии. Против незыблемой системы – как комары о стекло, бессмысленное геройство. Утопия это, а не антиутопия. Нужно действовать как-то иначе, но как? Riskну предположить, что все написанные в мире книги утверждают лишь два пути: либо бунт, либо повиновение; либо жертва, либо палач; либо раб, либо хозяин; либо герой, либо изгой; либо принимаешь правила игры, либо выходишь. Но неужели нельзя проскользнуть между мирами, нащупать свою тропинку по краешку?

Она приходит оттуда, где людей много, значит, побег не удался. В моей жизни времена года меняются: после лета наступает осень, потом зима и весна. А она возвращается из бесконечного лета, где цветут каштаны, кружится тополиный пух и пахнет свежескошенной травой. Где и как она живет, то есть я буду?

– Если я – это ты в юности, то должна помнить, что снилась мне. Я не могу вспомнить твоего лица, но помню сам факт, что говорила с тобой. А ты помнишь меня? Или это я тебе сниюсь? – спросила ее и опять проснулась без ответа.

Джанет, в нашем веке

Джанет проснулась раньше трех будильников, которые заводила только накануне отъездов, чтобы не проспять самолет. Ветер сводил с ума. Джанет узнавала осень по голосу: навязчивое шуршание, бесконечное «ш-ш-ш-ш-ш» за окнами. Шелудивая осень, все время чешется и невозможно усидеть на месте. Небесным дворником безжалостно вычищает двор ее памяти, выметая хлам родной оседлости и срывая покровы времени, накипевшие за лето.

Лето было русскоязычным: Москва, Санкт-Петербург, Минск, Рига... А зимой легче прожить и прокормиться на средиземноморье, чем в космическом олимпийском Сочи или нищем и алчущем денег Крыму.

«Очутиться бы сейчас вдвоем в Венеции и ловить отражения света в воде каналов или на дне твоих темных глаз... Интересно, а где собираешься провести зиму ты: Тель-Авив, Стамбул, Марокко, Тайланд, Гоа? Пришли хотя бы открытку».

Ей представилось, как в прошлом веке путешественники внимательно разглядывают «вертушки» с разноцветными картонками, выбирают одну или несколько, а потом подписывают адресатам, сидя в уютном кафе на краю мира и глядя на дождь из окна. Открытки, хранящие тепло руки.

Джанет получала mms-ки с картинками без подписи или сообщения в мессенджер со смайликами. Перелетные птицы изобрели язык нового поколения задолго до повальной моды на Twitter. Ни один из ее друзей, знакомых или любовников не владел родным языком, да и никаким вообще: писали с ошибками и сокращениями русским на латинице, разбавляя фразу сразу всеми известными словами из языков стран, где побывали когда-то: английский, немецкий, французский, испанский..., в живой речи дополняя эмоциональными жестами, в электронных сообщениях – смайликами всех пород и мастей. Чтобы нестись по жизни без оглядки, этого вполне хватало, а нырять на глубину мыслей и чувств никто не решался – к чему застревать в памяти, если прошлого не существует? Время – вода, и мы снуем по зеркальной его поверхности, как водомерки, – неуловимо и бестолково.

Ответственные работяги сновали под землей. Платформы поездов забиты до отказа, в переходах между станциями метро – пробки из человеческих тел. Наверное, красные отрезки на картах колец московских дорог и подземных линий совпадают. Сентябрь – час пик осени. Везде десять баллов. И лучше толкаться в метро, потому что на такси успеть в аэропорт безнадёжно.

На платформе кто-то сзади хрипло дышал почти в ухо, кто-то рядом медленно оседал на пол, сползая спиной по колонне. Джанет не рискнула встать на краю. С тяжелым рюкзаком за плечами в толчее не удержать равновесие. Меньше всего сейчас ей хотелось упасть под колеса поезда.

Вспомнилось, как в Токио пассажиров в вагоны заталкивали чуть ли не пинками под зад. Поезда стоят у платформы несколько секунд, а двери не резиновые. Есть там специальная должность в метро: утрамбовывать вагоны, чтобы все успевали по утрам на работу.

«Зачем тебе жизнь, на которую нужно зарабатывать? Имей доступ к источнику со всем необходимым», – писали на птичьем языке. Да, только потом этот «источник» начнет диктовать, что делать, куда идти, с кем спать и как жить. Лучше уж самой. Впрочем, некоторые птицы фрилансили, как и она, но большинство тянули награбленное из девяностых.

С третьей попытки Джанет влезла в вагон, облегченно сгрузив у ног рюкзак и прислонив к нему ноутбук. На сиденье заметила полицейского – чересчур красивого для своей униформы. Набрасывал портреты пассажиров в блокноте, поймал ее взгляд и улыбкой предложил сесть. А сам начал протискиваться к выходу. Смена – двенадцать часов патрулировать улицы под

морозящим ледяным дождем. А мечтает писать картины в художественной мастерской, полной солнечного света и воздуха.

«В тоннеле... токийская электричка... включает прожектор.

Я тоже, уезжая осенним днем в темный, полный обмана город,

должен включить в своем сердце яркий-яркий фонарик...»³, – вспыхнули в мыслях чьи-то стихи.

Дорога для Джанет была личным средством борьбы со временем. Новые впечатления – долгие дни. Время зависит от восприятия, а значит, способно растягиваться в пространстве: год, насыщенный событиями, считался за десять. Жизнь ощущалась бесконечной, как в детстве, и Джанет верила, что в этом и заключено бессмертие, а не в том, чтобы сохранить себя в книгах или размножить в детях, как учили когда-то в школе и в институте, брошенном на втором курсе.

Среднестатистический человек не более чем сумма прочитанных книг. Писатель же может переписать реальность, присвоив себе любое имя и любую судьбу, и в веках останется прав. Как и Джанет. Но писатели пишут романы для многочисленных потомков, а она сочиняет жизнь для себя одной.

«Жить для себя – эгоизм», – твердила мама.

«Внутренние перипетии – признак настоящего романа. Если герой не меняется, зачем тогда описывать события его жизни?» – главный вопрос преподавателей филфака.

Но на самом деле нет никакого «зачем», а прав тот, кто счастлив. Даже несчастливый по жизни человек может быть счастлив в данную минуту, а из «данных минут» и состоит жизнь.

И все же язык – отправная точка во времени и пространстве. Родной язык определяет все: мысли, чувства, действия, мироощущение, сознание, бытие. Мимолетно вспомнилась строчка из интервью с лингвистом в документальном фильме Вернера Херцега «Встречи на краю света»: «Ежегодно на планете вымирают сотни этнических групп. С последним носителем языка уходит целый мир...» Что будет с ее родным русским, если уже сейчас соцсети изменили его до непонимаемости аббревиатур? И как тогда говорить? Английский эсперанто истерт до дыр, итальянский еще в самолете зазвучал бравурной музыкой и только русский шипел в мыслях, как грешник на сковороде. Может, поэтому отношения с перелетными мальчиками у Джанет и не складывались: поколение бесконечности не наделено от природы долговременной памятью и, значит, не способно понять ее чувство вины.

Сорренто встретил объявлением на автобусной остановке: «Школа международных языков: китайский и английский для детей от пяти лет».

«Мы живем в Китае, они заштамповали собой всю землю, теперь наш мир – китайская подделка», – ужаснулась Джанет. А навстречу маршировал отряд узкоглазых туристов, вооруженных селфи-палками.

«А почему бы и мне не взять с них пример? – решила она, разглядывая копии китайских воинов, – какая мне разница, где ты и что с тобой, если я могу воссоздать тебя в каждом встречном? А уж на смуглом Неаполитанском юге, где у всех твои глаза...»

Не успела спросить у вчерашнего солнечного сожителя, знает ли он свои корни, происхождение. Неужели неинтересно, чья кровь течет по твоим венам, чей язык ты забыл? Впрочем, о корнях он вспоминал в единственном случае, когда звонил домой с просьбой: «Киньте денег на карту, кончились». А предки, вздыхая в ответ: «Плохи родители, если не содержат ребенка до пенсии – ребенка», – перечисляли требуемую сумму тоже откуда-то из заповедья. Бедлам после него в московской квартире убирать не пришлось – Джанет самой пора было собираться в дорогу. Осень подстегивала к перемене мест.

---

³ Дзюн Таками. «Избранная лирика»

Окна апартаментов в Сорренто распахнулись в стену. Стена зеленая, увитая плющом. Живая, скребется, копошится: ящерики, мелкие грызуны, птички.

«Wi-Fi мощный, наводнений не случается: высота над уровнем моря – сто метров», – успокоили ее на ресепшен по поводу дешевого андеграунда.

Ну да, где еще жить любительнице рока на мели.

Пока на мели. Деньги не подушка безопасности, а энергетические потоки. Невозможно накопить на безбедную жизнь, ищи неиссякаемые источники дохода. Но течение их переменчиво. Поиск заказов не стрельба по тарелочкам, а охота. Вспомнился анекдот о фрилансе: «Вытащить копьё дорого, покрасим в телесный цвет». Только перед тем, как вытаскивать копьё или красить, нужно его загнать в заказчика, потому как без твоего копья он прекрасно жил и ни в чем не нуждался.

Справимся, повторяла себе. У фрилансера ночи белые.

Над окном кто-то непрерывно ухал: и ночью, и днем. Ушастые русско-северные совы прилетают в Италию на зимовку, как и Джанет. Ее никогда не спящая сова, похоже, тоже жила в безвременье.

А время между тем текло за горизонт, необъятный взгляду с террасы над морем. На перилах позировали редким туристам и заговаривали Везувий, как пернатые шаманы, гордые буреветники Горького. Извержений не ожидается, продолжайте наслаждаться жизнью.

Сам Везувий одарил браслетом из лавы и кораллов: слились в нем горы и море. Джанет привозила из всех мест, отмеченных на ее карте, талисманы на удачу.

На этот раз не сработало. Деньги таяли, телефон онемел, волны электронной почты выносили на берег спам и мусор бессмысленных сообщений прошлого.

«Перезимовать хватит, а дальше?» – тоскливо спросила себя, выгребая в банкомате с карточки последнюю пачку сотенных неподалеку от площади Vallone de Moline.

Название площади переводится как «Долина мельниц». И Джанет взялась пересоздать ее заново – на своем языке. На скандинавском севере, откуда она родом, существует легенда о мельнице Сампо, намоловшей всем изобилия и счастья. А «сампо» по-итальянски означает площадь.

Долина мельниц раньше вела к морю, в современном Сорренто она разделена площадью и мостами, и в нее уже не спуститься.

«Мельница-мельница, намели и мне», – попросила, бросая мелочь в пропасть под мостом.

На пересечении мостов располагался роскошный старинный ресторан, тщившийся сохранить облик и историю со времен черно-белых открыток.

– ... and my telephone number! – выхватил открытку из счета официант, чтобы подписать.

Он был молод, нагл, черен как смоль и похож на далекий образ, который Джанет искала на дне бокалов, куда разливала их всех, тщательно перемешивая, – дистиллированное и уже ничье вино.

После ночи любви ее разбудил ветер, гулявший по комнате. На сквозняке хлопала не только рама окна, но и дверца сейфа.

Черноглазый жрец Долины мельниц! Боги забрали все. Оставив две зеленые двадчатки и мелочь в кармане куртки на библейские обеды: вода из-под крана и свежий хлеб из супермаркета. Постись, грешница. Забавная ситуация: обокрасть великого махинатора. Жрец не смог преодолеть искушения или был послан ей свыше в наказание за других обманутых вкладчиков? Но с заказчиками проектов Джанет была честна, а кого они кидали на деньги – не ее ответственность.

Бог любит троицу: ошиблась она трижды. Первый раз, когда суеверно сняла все деньги с карты, в надежде, что пустота заполнится новыми поступлениями от заказов. Второй, когда поленилась вернуться в апартаменты, чтобы убрать их в сейф. И третий – когда открыла сейф

при нем, созерцающим телевизор: не одна Джанет, как выяснилось, была потомком Януса. И кто-то из них смотрел в прошлое в метафорическом смысле, а кто-то в прямом – имел глаза на затылке. Или может, все произошло с точностью до наоборот: вернулась, убрала деньги в сейф, в этот момент позвонила горничная, узнать, все ли в порядке, Джанет отвлеклась, по возвращении вдвоем обнаружила дверцу открытой, захлопнула у него на глазах, не задумавшись, что электронное табло сейфа на мгновение высвечивает цифры кода запирающему владельцу, и что фотографическая память свойственна не ей одной. Не все ли равно, если Янус прав и прошлого не изменить, сколько ни оглядывайся, а события жизни память переписывает, как автор бестселлеров? Толку от пристального пересмотра отснятых кадров в попытке их как-то обозначить на карте жизни, дать имена?

Открывая новые пространства и меняя сторону света, Джанет вдруг сознавала, скольких имен не знает. Как на самом деле зовут сову над окном? А вон то дерево, пиния или ливанский кедр? Каждая страна ассоциировалась с деревьями или цветами. Греция с олеандрами, Сицилия с гибискусами, Мальта и Тунис с оливковыми деревьями. Названия, которые она *увидела* там впервые. Неаполитанский юг стал апельсиновым адом. К концу ноября апельсины гирляндами висели над головой, падали под ноги, подавались на завтрак, обед и ужин в окно за неимением лучшего, за неимением ничего. Что такое голод она теперь узнала не из книг. Нищета – это когда ты точно знаешь, сколько в холодильнике и в кармане, до грамма и цента. Возвращаться в ресторан – бесполезно. С полугодовым жалованьем в кармане жрец уволился и сбежал в Неаполь.

– Возвращайся домой! – уговаривала мама по телефону. – Мы купим тебе электронные билеты на самолет и на поезд из Москвы, пришлем по e-mail, при условии, что зиму ты проведешь у нас. Ты так давно не была дома! Значит, время пришло. Перезимуешь, заработаешь – улетишь опять.

Резкий холодный ветер сорвал шаль с плеч. И она, взмахнув черными кистями, как обломанными крыльями, полетела неуклюжей траурной птицей над морем. Туда, куда не направилась бы ни одна перелетная, – на север.

Итак, зиму Джанет проведет в заброшенном городке ее детства, где в ответ на вопрос: «Как дела?» жители нетрезво машут руками: «Что здесь делать? Север...»

Из дневника Жанки, на грани столетий

Почему зима и лето воспринимаются константами, а весна и осень – как промежуточные времена, которые нужно пережить, переждать?

Хеллоуин – ночь перехода в зиму. Мы все к ней готовились. В ночь на Хеллоуин отрывался Питерский «Неосад». Премьера стала событием для нашего городка. В секонд-хенды, приторговывавшими таможенным контрафактом, очереди занимали с утра за виниловыми куртками и кислотных оттенков майками и топами, светящимися в темноте. Контрамарки для «малолеток» стоили дороже входных билетов. Вряд ли бы мы с Алиской достали их сами, но вдруг расщедрился Марат. Сказал: «Потом попрошу тебя об одном одолжении», но не сказал каком.

Я не смогла устоять. И не зря.

Теперь все только и говорят о космических лучах, пронзающих танцоров насквозь, витиеватых конструкциях танцполов в виде гигантских ступеней лестницы в поднебесье потолка, невидимого снизу, пещерах и подводных гротах чилаутов, дымящихся коктейлях всех цветов и вкусов с непроизносимыми названиями – их следует выучить наизусть: в меню плятятся только отсталые слои населения. И какой-то неведомой дури, отправляющей всех желающих в полет до утра сквозь стены и времена. Сад наслаждений Иеронима Босха.

Джексон танцевал внизу у первой ступеньки сцены. Лазерные лучи скользили у него за плечами. Я вглядывалась в силуэт, выхватываемый вспышками из темноты, точно зная, что это он. Джексон танцевал один, обнимая пустоту. И пустота должна была заполниться. Мной.

Я бросила Алиску с каким-то студентом и уже почти протиснулась к нему сквозь толпу танцующих, как за спиной прогремел взрыв. Обернулась и – глаза залило болью, а вдох застрял в горле, как кусок наждачной бумаги.

В центре зала взорвали баллон со слезоточивым газом. Война за главный дом на перекрестке дорог еще не окончена – нашлись мстители за обворованного и убитого бизнесмена, как сказал позже Марат.

Дальше в голове все перемешалось. Крики, толчея... Помню, как очутились с Джексоном в туалете. Вытащил из зала на руках? Ослепнув, я вряд ли сама нашла бы выход.

Ледяная вода из-под крана – будто отслаивает режущую слюду с глаз, но разлепить их все равно невозможно. Он вытирает мне лицо платком, кожа онемела, и я не чувствую его движений, кроме... странного невесомого прикосновения тепла, как крылом птицы по кромке ресниц. *«Ощутить трепет твоих век на губах»*, – не к месту вспомнились слова дурацкой записки для Марата.

Глаза открыл свежий воздух. Морозное дыхание ночи за стенами клуба. Город стал чище, или – нет: переродился за это время, был стерт и заново нарисован неизвестным художником. Импрессионистом. Расплывчатые очертания в свете фонарей, в хрустальной подрагивающей дымке огней – сквозь слезы.

Мы как будто стояли на пороге исландской саги. Джексон взял меня за руку и внутри взорвался гейзер жаркого счастья. У меня в ту ночь постоянно что-то взрывалось... Я даже не помню, о чем мы разговаривали, шагая вниз по Озерному проспекту к набережной. Собираю и записываю осколки слов, а так хотелось бы снять непрерывный кинофильм в голове, чтобы крутить его потом вечно!

– Тебе понравилось в клубе?

– Не очень. Все какое-то ненастоящее: музыка, свет. Я знала, что так будет, но хотелось самой посмотреть.

– Зачем?

– Потому что все туда рвутся. Нужно все пробовать, чтобы знать. Важно знать то, что знают другие.

– Тяжело за всеми угнаться. Легче всего быть первым там, где никого нет.

– На Зареке?

– Тебя там видели. А я бродил взад-вперед по Озерному проспекту и набережной, чтобы случайно встретиться, а сегодня пришел в клуб. Мне сказали, ты там будешь.

В клубе встретила всех, даже мрачного Марата без Инги, но в ту ночь мне было не до запасных вариантов, я играла главную роль, а точнее, не играла – жила.

– С синими волосами ты похожа на Снежную Королеву. За тобой должен прийти снег.

В последние дни была слякоть и предзимняя тьма. Первый снег позднего сентября исчез, растворился в грязи улиц. Но вернулся в ту ночь! Густыми хлопьями. Кружился в конусах света от фонарей, как обезумевшая стая бабочек-альбиносов. У меня получилось!

– Веришь в сказки?

– Я понимаю их лучше, чем обычную жизнь. В жизни нет логики, а в сказках...

– ...концентрированная мудрость земли, как говорила моя бабушка.

И мы шли и шли куда-то под снегом в эту необычную ночь, как герои сказки, легенды, мифа, саги... Не читали, подчиняясь чьим-то писанным законам, как всегда бывает, когда в жизни плывешь по течению, а писали свою историю сами. Слова рождались на ходу из шагов, прикосновений, взглядов...

«Любовь есть мечта, порожденная взглядом»⁴, – вспомнилась книжная строчка о героях Шекспира.

В ночь на Хеллоуин я поверила, что мечты сбываются. Как будто совершила открытие. Наверное, все влюбленные ощущают себя героями мифов и верят в то, что они-то как раз и есть первые люди на земле.

Все время думала о Геро: как зажечь негасимый свет в окне для Джексона? И чтобы лампочка счастья никогда не перегорала. Купила светильник в магазине подарков в виде домика из цельного куска мрамора. Тяжелый, зато прочный и не разобьется. Свет от маленькой лампочки – желтый, теплый, живой. Поставила на подоконник. Сделала перестановку в комнате – подтащила диван к окну. И теперь свет льется в обе стороны: за окно и на меня. А я закидываю голову на подушке и смотрю, как в луче из окон домика кружится снег.

– Зима же, замерзнешь, – повторяет мама, гася в моей комнате свет на ночь. Но светильник не выключает, и, кажется, с ним в моей комнате стало теплее.

Ночами снится повторяющийся сон. Фантасмагория в театре теней. Посреди темного леса поляна, ярко освещенная, будто сцена театра. Откуда льется свет непонятно, как изнутри, от волшебного фонаря. Героев не видно, они – тени на белом полотне, растянутом вместо декораций на сцене. Но я знаю, что актеров всего двое: мужчина и женщина, и играют они разные роли из разных мифов. Теням позволено перевоплощаться в кого угодно. Джексон в моем сне – осветитель за сценой, но никогда не рассказывает о фонаре. Может, это символ горящего сердца Данко?

В пьесе, то есть во сне, за сценой сквозь шелест леса слышатся шепоты о тайне света и тьмы, о том, что они вечно меняются местами... Просыпаясь, записываю и читаю книжку по мифологии и истории праздника Хеллоуин. О заблудших душах, утративших ориентиры в пространстве и времени. Темнота улиц в ту ночь была освещена белым, чистым снегом, и когда я вспоминаю, как две наши тени на снегу сливались в одну, снова ощущаю толчки гейзерного счастья. Неоновый свет клуба, когда взорвали баллон со слезоточивым газом, обернулся слепотой и болью. Если бы не Джексон... Интересно, почувствовал он себя Орфеем,

---

⁴ «Музыка у Шекспира». Уистен Хью Оден.

спасающим Эвридику? Он же сказал, что верит в сказки. Надо спросить, героем какой сказки представлял себя в детстве.

А самая страшная тень в моем сне, конечно, Марат. Ничего хорошего от него не ждешь. Но за то, что помог нам встретиться, можно пожертвовать многим. Знать бы чем? Что он попросит?

«Чтобы зажечь негасимый свет, нужно осознать тьму», – пишут в книгах.

Вечер, метель за окнами. Папа стучит по клавишам компьютера в гостиной. Щелкаю выключателем.

– Дочь, я вообще-то работаю, – говорит папа, снимая очки в сумерках.

– Я хочу увидеть абсолютную тьму.

– Представь себе межгалактический космос...

– Не хочу воображать – хочу ощутить. И не где-то когда-то, а здесь и сейчас.

– Ммм, – забывает о монографии. Ему всегда было интереснее применять научные знания на практике.

За полчаса закупориваем нашу маленькую квартиру в капсулу. Завешиваем окна плотными шторами, как в войну, чтобы не проник ни один лучик света.

– Ты видишь очертания мебели?

– Да.

– Плохо. Нужен черный вакуум. Вот, например, духовка вполне подойдет...

Мама вернулась с работы, как в голливудский кинофильм, где главный герой решает покончить с собой и открывает газ. Долго и мучительно ждет, пока комната наполнится ядовитыми испарениями, но вдруг вспоминает, что смертнику положена последняя сигарета. Прикуривает – и забирает с собой на небеса весь квартал близлежащих домов.

– Идиоты! У нас электрическая плита! – только и сказала мама, когда зажгла свет в кухне и увидела два наших зада, торчащие из духовки.

– А мы ее и не включали.

Она махнула рукой и без сил опустилась на стул.

Космос в духовке... Смешно, но хочется записывать любую мелочь. После той ночи все вокруг обрело тайный смысл, стало важным, значительным. Каждое мгновение как будто залито ярким светом. Нельзя упустить, не записать, не запомнить. Боюсь утратить свои дни и часы. Может быть потому, что все они освещены ожиданием новой встречи?

Евгений Романов, в нашем веке

Иногда нужно уметь ждать. Неизвестно чего, но ждать.

Поздняя осень. Ветер обнажил деревья, и больше не осталось преград. Нападал со всех сторон, как непредсказуемый враг. Город напоминал гигантскую турбину самолета. Свистело в ушах и в подворотнях. Негде укрыться.

В небе над кладбищем с ветром боролась запоздалая стая перелетных птиц. Не успели они выстроиться в клин, как тут же были разбросаны среди туч как попало. Птицы боролись молча. Улетали не прощаясь. И свистящая тишина угнетала.

Евгений поднял воротник, втянул руки в рукава пальто и решил посидеть с Братом еще немного.

Брат появился в его жизни неожиданно – и сразу стал ее частью. Так воплощается судьба: нежданное оборачивается предрешенным. Сам он не смог бы предать память Акелы. Но в один из таких же ветреных и темных дней распахнулась дверь клиники, и высокий мужчина посторонился, пропуская и подталкивая вперед собаку. Терьер когда-то был черным, а теперь седым. Стоял на пороге старости и – новой жизни. Десять лет – это уже не просто домашний питомец, а член семьи, брат.

– Предаете Брата? А как же заботиться о тех, кого приручили?

– Это о людях сказано.

– Скорее для людей.

– Мне в Питере должность предлагают, перспективная работа, но сложная, и от меня потребуются все силы, понимаете? На возню со старой больной собакой точно не хватит.

Впрочем, он позаботился. Принес любимое одеяльце пса, чтобы родной запах не дал подохнуть от тоски в первые дни. А дальше...

– Пристроите куда-нибудь на доживание. Или усыпите.

Брата хотела забрать в дом медсестра Мила. «Милая Мила», – называл ее про себя Романов. Добрейшая женщина. Но у нее – трое детей в возрасте от пяти до восьми лет, замордуют животное. И Романов взял Брата себе. Доживание, подумал он, страшное слово, Акела простит.

С недавних пор ловил себя на тревожном интересе к старым больным животным. И к людям. Вечерами наблюдал одну и ту же картинку: дед из соседнего дома выволакивал на прогулку такого же древнего дога. Дог за один присест выливал ведро мочи под яблоню у крыльца и, тяжело вздохнув, садился рядом с дедом. Дед на скамейке, дог на земле, а головы почти соприкасались, как у тех, из сказки, что жили счастливо и умерли в один день. И смотрели они всегда в одну точку, куда-то за излом улицы, словно там на неведомом экране демонстрировали с допотопного проектора слайды рая. Смотрели, не отрываясь, с тоской по возвращению... Куда? В материнскую утробу? В детство? В небытие? В начало начал?

«А ведь мне даже не сорок», – отворачивался от них Евгений.

Дома ждал Брат. Первые дни выгуливал его по утрам, кормил и оставлял в доме до вечера. Но потом соседи пожаловались, что воеет, и Романов начал брать его с собой на службу. Тем более что Брат, в силу возраста, к кошкам и другим собакам был равнодушен, никаких потасовок и грызни за территорию кабинета не устраивал. И они стали неразлучны.

Поначалу Брат верил, что Евгений – попутчик, из тех, кого встречаешь в зале ожидания аэропорта или вокзала. Но хозяин уехал навсегда. Евгений пропустил момент, когда Брат это понял. Их дружба крепла день ото дня, и вряд ли он назвал бы точную дату, когда впервые сказал медсестрам: «Моя собака не любит, если кто-то стоит за спиной или подталкивает вперед».

Романов смотрел в него, как в зеркало: черная шерсть серебрится, глаза вспыхивают угольками, когда чешешь за ухом. «Радуйся, что есть кому почесать, меня вот никто не приласкает», – говорил ему.

«Бешасть», – проклял его перед смертью отец.

«Одиночество старит, Жен», – писала мама, закрашивая свою седину.

Сестры помалкивали, гадали другим.

А у Брата обнаружилась сердечная недостаточность. Собачьи сердца лечат и человеческими таблетками. Выписывая рецепты владельцам собак, Романов не задумывался о стоимости лекарств, только о свойствах. Когда начал отовариваться в городских аптеках, поразился цене в две тысячи сто шесть рублей. «А как же пенсионеры? – спрашивал себя. – Если пенсия восемь тысяч, а таблетки – две? В нашей стране все доживают». У самого болели чеченские шрамы от осколочных ранений: на плече и бедре. Осень обостряла боль. Непогода и резкие скачки давления, кожа и мышцы человека растягиваются, рубцовая ткань – нет, внутреннее давление вызывает ноющую непрерывную боль. По осени даже прихрамывал. Целебные мази предков не помогали, пил анальгетики.

Жалел себя? Нет, скорее гордился, что нашел. В армии бьют не за то, что цыган, а за то, что слаб. Дай отпор – и заслужишь уважение. Ранение получил, спасая командира взвода. Остался еще на два года по контракту после срока. Хотел учиться, выбрать профессию, на жизнь во время учебы нужны были деньги.

«По столичным меркам доходов я – ничтожество, но на самом деле царь зверей. Продлеваю жизнь тем, кто нам беззаветно предан, кто любит нас так, как никто никогда не любил – безусловно», – рассуждал Романов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.